

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Да не будет никакого Советского Союза...

— Это правда, восстановить его не удастся, но не потому что этого не хотят, а потому что время империй ушло. Да и Америка не позволит.

— Кстати, об Америке и об имперских амбициях... Разве современный мир не устроен таким образом, что в нем *должны* быть центры притяжения, центры силы? Америка — общемировой центр. Есть региональные. Если смотреть на восток от Европы, то это — Россия... Не Туркменистан же...

— Допустим, Америка агрессивна. Допустим. Но природа ее агрессии другая. Она вмешивается в чужие конфликты ради своеобразно понятого мирового порядка. Но не ради того, чтобы извлекать из этого вмешательства экономическую пользу и владеть этими территориями. Чего о России не скажешь.

— Что толку России от белорусской экономики? А вот Америке толк от операции в Ираке будет. Упадут цены на нефть. Начнется изживание страха перед 11 сентября. Демонстрация мощи поддержит веру инвесторов в слабеющую американскую экономику.

— В случае победы над Ираком американцы воспользуются нефтью, конечно. Но я думаю, нефтяной (*Быков говорит «нефтяной»*) фактор тут преувеличен. Главное — великий возмутитель мирового спокойствия Саддам Хусейн, который до сих пор является другом России. Вот как. До сих пор. И с нынешним белорусским режимом у вас отличные отношения.

— Вряд ли мы с вами по-разному относимся к господину Хусейну или товарищу Лукашенко. Но, положив руку на сердце, разве они узурпаторы власти? Разве народ — иракский, белорусский — в массе своей не поддерживает их искренне? Кого поддерживает белорусский народ, с тем и приходится иметь дело.

— Наверное, поддержка есть. Как есть она у полковника Кадафи или у Фиделя Кастро. Но откуда мы знаем, какая именно? Стоит диктатору однажды взять власть, как поддержка обеспечена ему пожизненно. Реальная или мнимая — другой вопрос. Что касается Лукашенко, то его первичное избрание несомненно. То были чистые выборы. Другое дело, что на выборы ходит около половины избирателей, еще чуть больше половины голосует «за» — вот вам 25 процентов реальной поддержки.

— Но, во-первых, белорусский президент и сейчас имеет опору в массе...

— Да, его искренне поддерживают крестьяне-пенсионеры. Они ведь никогда так хорошо не жили. Деньги, бумажки с «зайчиками», печатаются исправно. На работу ходить не надо — коллективное хозяйство рухнуло; пенсию платят вовремя, хлеб и водку завозят в лавку раз-два в неделю, а картошка, молоко, овощи и кабачки свои. Да еще в день пенсии безработные чада из города приезжают за этими «зайчиками». Бабки молят Бога, чтобы Александр Григорьевич правил подольше.

... а во-вторых, белорусская оппозиция, в которой очень много симпатичных людей, но очень мало настоящих политиков, не смогла выдвинуть лидера, который хотя бы эти самые 25 процентов собрал...

— На выборы 1994 года и Шушкевич, и Позняк шли с прекрасными идеями. Это были идеи возрождения Белоруссии. А Лукашенко говорил просто. Как Ленин в 17-м году. Запустим промышленность, посадим воров. Людям не нужны идеи. В этом беда многих народов. Не только белорусского. Возьмем Литву. Был у нее Ландсбергис — интеллигент, националист, во всех отношениях замечательный лидер для литовского народа. Но его же и одну зиму не выдержали — разменяли на теплые батареи, которые обещал обеспечить коммунист Бразаускас. Благодаря российским связям. Вот вам и идея национальной независимости. Электорату нужны не идеи. Ему нужны батареи. Такова политическая культура народа.

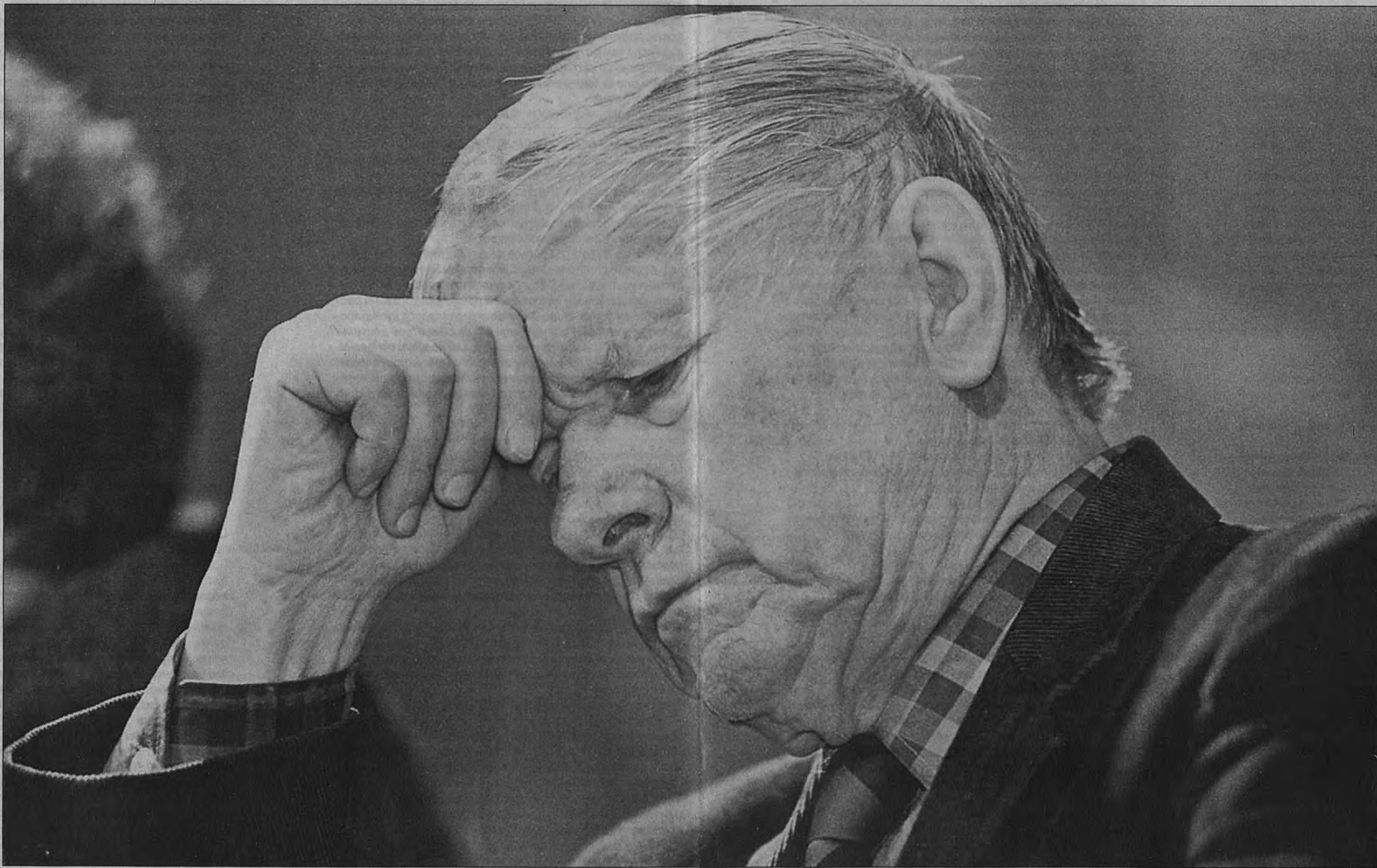
— Мы с вами — в Праге. В XIX веке чешские гуманитарии усилием интеллектуальной воли сформировали национальную идею, подтянули чешский язык до общеевропейского уровня. И — достучались до этого самого народа...

— Да перебили белорусскую интеллигенцию, особенно в сталинские годы постарались. Но сначала, во время коллективизации, уничтожили опору национальной культуры, тех, без кого никакие интеллигенты ничего сделать не смогут, — цвет белорусского крестьянства. Горю белорусский, он традиционно был или польско-, или русскоязычным. А генератором национальной культуры была деревня. Не на кого белорусской элите опираться «вотще» народной...

— А дальше что? — Быть пессимистом порядочно человеку почти неприлично. Но что делать — я пессимист. Не вижу ничего светлого для Белоруссии в будущем. Вот Шушкевич, которого я очень уважаю, думает, что если Россия аннексирует Белоруссию, то на очень короткое время. А я уверен, что если мы потеряем в бли-

Василь БЫКОВ, писатель:

Возвращаются

МАКСИМ МАТИНОВСКИЙ

Василь Быков

Знаки беды

жайшие годы независимость, то навсегда исчезнем как государство с карты мира. Вряд ли еще когда-нибудь представится такой уникальный случай, какой выпал на нашу долю после Беловежской пущи в 91-м. Тогда вмешались какие-то силы, божественные или дьявольские, не знаю...

— А сейчас какие вмешиваются?

— А сейчас идет сознательный разгром национальной культуры. Расчистка. Ради будущей интеграции. Разогнан Союз писателей. Заменено руководство журналов. Вынуждены были уехать из Белоруссии Светлана Алексиевич, бывший руководитель Союза писателей Некляев. Белорусский язык, и без того превратившийся в смесь, в «трасянку», власти окончательно перестали поддерживать и прямо сказали, что он нам не нужен. Свято место пусто не бывает — роль национальной культуры властно передается провинциальному варианту маскулъта, всем этим «Славянским базаром»...

— Но ведь народу нравится?

— Народу нравится.

«Есть разные виды изгнаничества»

— Считается, что при тоталитарном режиме писатель востребован куда больше, чем при демократическом...

— Конечно. И это очень хорошо. Со стороны. Когда-то западные писатели нам в этом завидовали и говорили: «Вы нужны читателю, нужны обществу, а наше общество к нам глухо...». Хорошо ли это изнурит — другой вопрос. Вот недавно в одной газете — называется она, конечно же, «Славянский набат», а как же еще ей называться? — появилась статья, в ней проишлись *по всем*, до единого, членам ПЕН-центра, который я возглавляю. Бездари, предатели, жидомасоны...

Пока ПЕН действует, даже маленький офис в Минске имеет, но думаю, что его скоро разгонят. Тем более что недавно в Конституцию введена статья об уголовной ответственности за оскорбление президента. Предлог всегда можно найти.

— Большую часть жизни вы сейчас вынуждены проводить за границей. На чужбине. Приближаясь к восьмидесятилетию... Если бы в разгар перестройки, на волне успеха, демократической открытости вам сказали бы, что дело кончится этим, новым диссидентством, — поверили бы?

— Я был готов. Вообще никогда ничего хорошего не ждал ни от каких режимов. В моей жизни был короткий период, связанный с Горбачевым, когда мне дали вздохнуть свободно. Печатали, премии давали — даже Ленин-

скую, как раз за «Знак беды». А до этого? И после? Что говорить. Был у меня хороший друг, Алесь Адамович, он политикой больше меня занимался. И все-таки в меня надежду. Но он же сказал как-то: если перестройка не удастся, наше общество будет отброшено гораздо дальше, чем находилось до нее. Надо сказать, тогда я не поверил. Но вот Адамович умер, а все произошло, как он сказал.

— На родине-то бываете?

— Редко.

— Когда в последний раз?

— Прошлой весной. Я обычно еду в Москву, а оттуда, чтобы не очень светиться на границе, — в Минск. Но это наивно. Все равно все известно становится властям в тот же вечер.

— А кем вы себя здесь ощущаете? Каков ваш внутренний, по самоощущению, статус?

— Есть много видов изгнаничества. Когда я приехал в Прагу, ваш обозреватель Осетинский в «Известиях» написал, что я просил и получил в Чехии политическое убежище. Это заявление меня напугало. В Минске спят и видят, чтобы я стал невозвращенцем. И если хоть какая-то лояльность в отношении к Быкову там сохраняется, то только потому что он не делает резких движений. По законам Белоруссии не требуется суда, чтобы отобрать квартиру, начать преследовать родных, — достаточно одного звонка президента. Да это и моя политическая позиция — не хочу нигде просить убежища. Я ощущаю себя здесь человеком, который уехал, но надеется вернуться.

— Надежда реальна?

— Была у меня уже попытка — после Финляндии. Я приехал в Минск. И в тот же вечер получил мощный информационный удар. По телевидению, в газетах объясняли, что я — литературный полицай, предатель своего народа, враг России, который требует возврата Белоруссии многих российских областей — Рязанской, Смоленской, а еще от Литвы — Вильнюса, а еще от Польши — Белостоцкого края...

— Да вы империалист...

— Хотя у меня не было и быть не могло даже кулуарных высказываний на сей счет... К атаке подключились мои коллеги-литераторы. В том числе из России. Например, Валентин Распутин. С ним мы когда-то общались, а теперь он коммунопатриот... Мои фронтовые друзья, однополчане, пять человек, напечатали в газете заметку «С Быковым в разведку больше не пойдём».

— А их кто-то зовет в разведку?

— Оставалось только ждать всенародной просьбы к президенту посадить Быкова. И тогда мои немецкие друзья предложили срочно уехать в Германию. Так что в Минске я прожил тогда всего две недели...

— И больше не повторите попытку?

— Знаете, я как старый еврей — загадываю только до субботы. А когда нарушаю собственное правило и все-таки загадываю, все летит в тартарары. Я хочу пересимовать в Праге, а там посмотри. Да, Боже ж ты мой, о чем можно судить наперед? Я старый человек, мне 79-й год, в долгожители я не мечу, здоровье — неважное, почти все друзья ушли. Единственное желание — умереть в собственном доме, в своей постели. Но пока такая перспектива не просматривается.

— А ваши дети, внуки — где они живут?

— В Белоруссии.

— Ваши взгляды близки?

— Я их воспитывал так, чтобы не вовлекать в политику. Они воспитанники русской культуры. Белорусский язык знают, но им не пользуются.

— С внуками общаться удается?

— Нет. Только по телефону. Какое это общение?

— А с кем общаетесь из западных интеллектуалов?

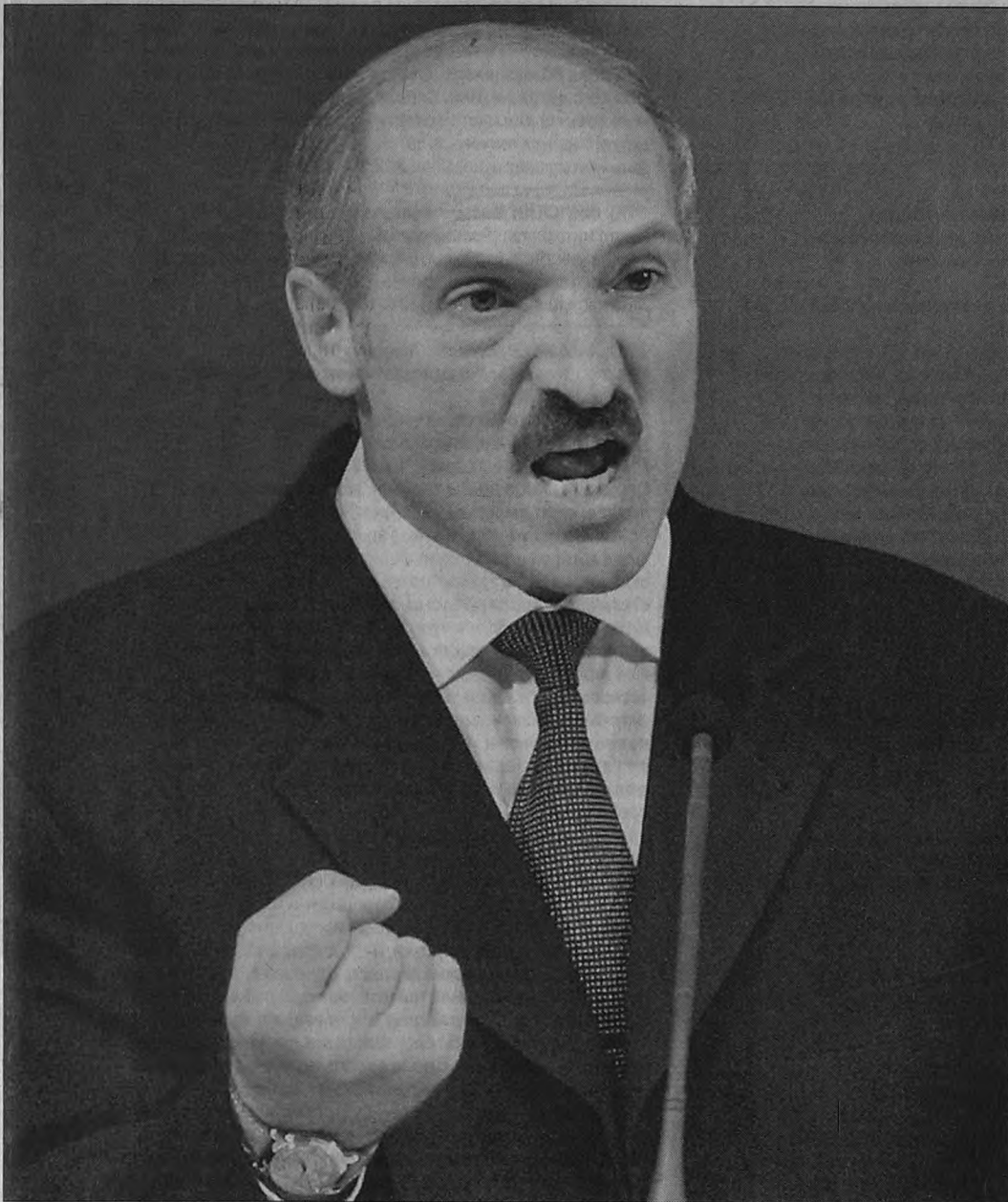
— Круг общения узкий. Очень узкий. Для меня это было огромным разочарованием. Я понял: то, о чем когда-то говорили диссиденты и чему я слабо верил, — горькая правда. Мы, инакомыслящие с Востока, представляем интерес для западных интеллектуалов-демократов только до тех пор, пока обитаем там. Как только мы сваливаемся им на голову, они теряют к нам всякий интерес.

— С кем-то из русских писателей пересекаетесь? Когда-то была такая неразделимая «обойма»: Астафьев, Быков, Распутин, Белов...

— Сложный вопрос. Вот с Союзом писателей Москвы какие-то отношения поддерживаю. А так... Связывала меня дружба с Виктором Астафьевым, мы с ним были единомышленниками. Да нет его больше. А с русскими литературными коммунопатриотами у меня нет ничего общего.

— Создается впечатление, что вы совсем одиноки.

— Да. Но я привык к одиночеству. По природе своей я индивидуалист. И писательство к тому же подталкивает: профессия требует отъединенности. Да и то сказать: в такие-то годы я продолжал работать. Написал две повести. Хотя каждый раз обещаю сам себе: все, хватит, больше не буду писать. Бессмысленное занятие. Денег не дает. Хорошо хоть печатают.

«Знак беды» по версии Василя Быкова

— В Белоруссии?

— Ну вот из Минска вчера звонили, сказали, что маленькая книжка скоро выходит. Но в основном печатаются в России.

Это и вас ждет

— Хотим мы того или нет, Василь Владимирович, но процесс объединения России и Белоруссии...

— Поглощения.

— ... скорее всего неостановим. И есть основания предполагать, что завершится он к середине второго путинского срока. Но объединение...

— Поглощения.

— ... дело обобщенное. Не только Россия присоединит Белоруссию, но и Белоруссия вольется в Россию. Что привнесет она в российскую жизнь? Прежде всего политическую.

— Я давно уже наблюдаю, со второй половины 90-х, что Беларусь во многих отношениях является политической лабораторией России. Некоторые ваши будущие начинания обкатываются в Минске. Особенно преуспели в этом коммунисты.

По большому счету, в случае интеграции Россия получит мощную инъекцию — антидемократическую, диктаторскую, кагэбистскую. Вам, со всеми вашими сложностями и противоречиями, предложат чистый, дистиллированный продукт. Даже КГБ в Белоруссии никогда не переименовывался. Да, собственно, инъекция эта уже поступает. До всякой интеграции. И спецслужбы сотрудничают, и Дума ваша не выезжает из Минска, и администрации двух президентов давно уже перепелились.

— Да президенты друг друга терпеть не могут и уже не в состоянии скрывать это от публики.

— Ничего, терпится-слюбится. Руководство Белоруссии в свое время предлагало судить Ельцина за развал Союза, Дружке политической это не помешало.

— Скорее уж Путин задешит Лукашенко в своих объятиях...

— Не задешит. Незачем.

— А что в таком случае будет делать Александр Григорьевич после интеграции? У него же нет

Быков прощается. Перед самым его уходом вновь вспоминаем о том, что завершилась эпоха Гавела. Быков тяжело вздыхает — и сожаление о том, что романтическое время «бархатной» революции завершается. И доля зависти к чехам, которые нашли крупного лидера для своей маленькой страны. Не допустили возвращения «знаков прошлого». И сумели вписаться в новый поворот европейской истории в качестве самостоятельной государственной «единицы».

шансов пробиться в верхние слои российской элиты.

— Да коммунисты ваши готовы носить его на руках. Вон, когда наш парламент большинством голосов проводил процедуру импичмента белорусскому президенту, ваш Селезнев в Минск приехал, уговорил нашего либерала Шарейского отложить решение на сутки. Получив столь мощную поддержку, Лукашенко вынудил Верховный Совет снять вопрос об импичменте. Из памяти парламентариев еще не выветрился случай годичной давности, когда президент ввел в здание парламента спецназ в масках и разогнал Верховный Совет. А сколько дифирамбов после этого спели Лукашенко ваши руководители?

— Ну это любовь на расстоянии. Как только Александр Григорьевич нагрянет в Москву, станет конкурентом, отношения резко испортятся.

— А регионы?! Сколько он по ним ездил, по матушке-Сибири, по югу? Зря что ли?

— Может, и зря... С другой стороны, многие в России считают, что Белоруссия сохранила кое-что из того, что Москва потеряла. Вот нобелевский лауреат Жорес Алферов в одной телепередаче сказал: он в восторге от того, что электронную промышленность в Белоруссии спасли, не дали приватизировать.

— О да, речи этого товарища я слышал... Тут, кстати, на днях по белорусскому радио передавали, что ученые наши уезжают за границу. Не знаю, как в России, а в Белоруссии — скажу: и слава Богу, что уезжают. Что это была за наука? Сплошные филиалы оборонного ведомства. Скорее всего не могли сделать непрогораемому, непостижимо это было для них, зато во все, что касалось штук этих, космоса, вкладывали деньги не считая.

Белоруссия была превращена в оружейный сборочный цех. И теперь, когда все развалилось, что же этим ученым делать? Ехать. Но не в Европу, потому что здесь в большинстве своем они не нужны. И даже не в Америку, где ядерщики требуются, но поквалифицированной. А на арабский восток, в Ирак, Иран, Ливию...

Тем более что дипломы их в Европе не признаются. Нынешний белорусский президент даже функции ВАКА взял на себя. Печет докторов и кандидатов наук. Бывшие полковники-политработники стали докторами политических наук... Так что замену отъезжающим он обеспечит. Как обеспечил Академии наук нового президента — бывшего главу администрации, партийно-советского работника. Объединяйтесь, объединяйтесь — опытом с вами поделятся.

— Но, может, все произойдет ровно наоборот: и после объединения Россия навяжет Белоруссии более демократические правила игры?

— Демократические?! Да ведь были мы уже объединены, по крайней мере 70 лет в теснейшем союзе жили... И этот единый организм распался в одну ночь. Наверное, имелись на то свои причины? А теперь — все вспять.

Только не надо использовать демагогическую формулу «ради благосостояния народа». Когда империи ради повышения благосостояния не создавались. Вспомним хотя бы германскую империю, воссозданную Бисмарком. Для силы и расширения она учреждалась. И чем все кончилось? Войнами.

Не может империя стоять на месте, она, как пульсирующая звезда, должна расширяться.

Мне мало дела до экономики.

А культуры — жалко

— Но, Василь Владимирович, Россия Русией, а мы в самом центре Европы, чьи политические принципы вам так близки. Здесь куда чаще, чем в Москве, говорят о конце национальных суверенитетов, о кризисе этнической идентичности, о мультикультурализме. И гораздо радикальнее стирают национальные преграды на пути к глобальному миру...

— Наверное, да. Я понимаю, есть тут противоречие. Мы видим, как возникает единая Европа, общий рынок. Но надо смотреть: какие цели при этом ставят. Здесь причины объединения прежде всего экономические...

— Благосостояние народа?

— Вот именно. Нужно объединяться перед лицом надвигающегося кризиса. В этом, однако, объединяются демократические, высокоразвитые страны. А у нас, на нашем родном Востоке, с какой целью планируют объединение? А? То-то и оно. Я человек культуры, мне, в конце концов, мало дела до экономики, которая в имперских условиях никогда не развивается. Никогда. Но мне жалко культуры.

И российской. И белорусской моей культуры. И мне жалко европейской культуры, старенькой, дряхлой, но все-таки хорошей культуры, которая не выдержит натиска глобализации. И sadness на милость неотделимо-го от нее масскультуры.

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ,

Прага—Москва